

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 35 (4180)

Вторник, 10 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЕСТЬ У МИХАИЛА ЛУКОНИНА СТИХОТВОРЕНИЕ О ТОМ, КАК В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ ШЕЛ БОЙ В ЗНАНИИ ГОРОДСКОГО ТЕАТРА:

К суфлерской будке старшина
Припал и бил во тьму.
И история сама суфлеровала ему.
Огнем поддерживая нас,
В бою зажимая боль,
Фн без позы и без прикрас
Сыграл великую роль.

Обончилось война. Проходя мимо отстроенного заново театра и вспоминая дни боев, поэт размышляет о высоком призвании нашего искусства:

Я шел и шел,
и думал о тех,
Кому на сцене жить.
Какую правду
и в слезы,
и в смех
Должны они вложить!
Какие волнения им нужны,
Какие нужны слова,
Чтоб после подвига старшины
Искусству
вернуть права!

Мы вспомнили это стихотворение не только потому, что вчера исполнилось пятнадцать лет со Дня Победы и сейчас особенно свежа память о военном подвиге нашего народа. Мы вспомнили его прежде всего потому, что сейчас, как никогда, героическое время требует героического слова.

В самом деле, какие нужны слова, чтобы воспеть великие свершения нашей эпохи, героический подвиг советского народа, строящего коммунизм! Какие нужны слова, чтобы рассказать о людях, завоевавших космос и познавших целину, строящих сотни тысяч новых жилых домов, не жалеющих труда для того, чтобы в стране было изобилие молока, мяса и других продуктов питания! Какие нужны слова, чтобы рассказать о Валентине Гагановой, о четырех молодых создателях, оказавшихся победителями в смертельной схватке с разбушевавшейся стихией! Какие нужны слова, чтобы рассказать о тех, кто неуспешно сражался на войне, о тех, кто все силы свои отдал благодарному делу спасения человечества от трагедии новой войны!

И разве не в наших днях, не в сегодняшней нашей литературе обращения слова великого Горького, сказанные им на собрании комсомольцев:

«Перед новыми талантами встают задачи: отобразить в литературе героя — чудесного, небывалого даже в сказке, героя, который хочет перестроить мир...»

Перед нами стоит задача — показать первого героя, собрав в одном человеке все достоинства большого коллектива. Это будет великой силой тип, послышав, пожалуй, чем создавал когда-то и Шекспир.

Это было сказано свыше тридцать лет тому назад. А сколько великого совершил наш народ за это время! Какими свершениями всемирно-исторического масштаба отмечены последние годы жизни Советской страны! Как возмужал и вырос советский человек!

Горький отдавал себе отчет в том, что рассказать о новом человеке, человеке коммунистического будущего сможет только мастер, только тот, кто в совершенстве владеет искусством художественного отражения действительности. Ведь для того, чтобы изобразить человека-великана, создать тип шекспировской силы, писатель должен философски осмыслить материал действительности, художественно обобщить весь опыт эпохи и воплотить его в чеканных, совершенных формах, — он должен во всем стать вровень с веком. Ведь показать героя — это не значит сообщить читателю перечень фактов его биографии. Это же значит даже достоверно рассказать о его делах и подвигах. Показать героя — это значит раскрыть внутренние мотивы его поступков, его гуманизм, его пламенную веру в торжество великих идей коммунизма. Глубокого смысла исполнены слова Н. С. Хрущева, сказанные им на митинге в станице Вешенской:

«Для советской литературы важно не только запечатлеть дела и подвиги людей, но и показать идейные истоки героизма, рождающегося в борьбе за победу коммунизма».

В ПОСЛЕДНЕЕ время наша литература все активнее вторгается в самую гущу современности. Еще больше укрепилась связь писателей с трудовой жизнью народа. Советские литераторы день ото дня яснее и глубже осознают меру своей ответственности перед временем, перед Коммунистической партией, перед народом. С высоким званием писателя в нашей стране прочно связано представление о человеке, всегда находящемся на переднем крае нашей борьбы. Так было в годы первых пятилеток. Так было в суровые годы Отечественной войны. И сейчас наших писателей можно видеть на строительстве Братской ГЭС и Карачукского канала, у летчиков-испытателей и колхозников, в геологических экспедициях и в дедах заводов. Весь почерпнутый литературой запас впечатлений, остро подмеченные ими черты нового, глубокое постижение ими современных конфликтов находят и, без сомнения, будут находить отражение в книгах наших писателей.

Однако литература все еще не удовлетворяет возросшие духовные запросы нашего современника. Она не всегда соот-

ветствует уровню его этической и эстетической требовательности.

Все это так, и все это не может не вызывать в нас писателей чувство беспокойства и неуверенности — чувство, без которого немисливо подлинное творчество, движение вперед. Споры нет, те высокие требования, которые наш читатель предъявляет сегодня в литературе, справедливы. Но, когда на этом основании некоторые оригиналы беспощадно и безапелляционно заявляют, что в наш век — век атома, спутников и кибернетики — искусству приходит конец, следует самым решительным образом возражать им.

Можно ли говорить об отмирании искусства в эпоху, когда в расцвете творческих сил находятся такие художники, как Шолохов и Леонов, Твардовский и Шостакович, Сарьян и Уланова? А разве не стали духовными спутниками поколений герои Николая Островского и Александра Фадеева, Дмитрия Фурманова и Аркадия Гайдара, Бориса Полевого и Николая Подкопаева? И разве не повторяем мы и в наши дни, и в горе любимые строки Маяковского и Багрицкого, Тихонова и Луговского, Асеева и Светлова!

Можно ли говорить об отмирании искусства сегодня, когда на свежем газетном листе мы впервые прочли последние главы «Поднятой целины» Михаила Шолохова и поэмы «За далью — даль» Александра Твардовского — произведения, которые войдут в золотой фонд советской литературы! Разве Давыдов и Нагульнов не заняли в сознании народа такое же место, как Рахметов и Павел Власов, как Чапаев и Павел Корчагин? И разве не встанут рядом с крылатыми словами Маяковского из поэмы «Хорошо!» строки о Родине из заключительных глав поэмы «За далью — даль»:

Она не просто сотня станций,
Что в строчку тянутся на ней,
Она отсюда и в пространстве,
И в нашем времени видней.
На ней огнем горят отметки,
Что поколенно моему
Светили с первой пятилетки,
Учили сердцу и уму...
Все дни и дали в грядущем вбирая,
Страна родная, полон я
Сем, что от края и до края
Ты вся — моя, моя, моя!

Можно ли говорить об отмирании искусства в то время, когда наша страна ведет развернутое строительство коммунизма! Ведь коммунизм — это не только изобилие материальных благ. Это и расцвет человеческой личности, это несметные духовные богатства. Это и воспитание человека будущего. Воспитание норм коммунистической морали — душевной чистоты и открытости, самоотверженности и принципиальности. Это и эстетическое воспитание.

Здесь роль литературы огромна. Она призвана формировать духовный облик сегодняшних и грядущих поколений. Недаром Н. С. Хрущев назвал советских писателей верными помощниками партии.

Разумеется, наши писатели смогут выполнять эту роль лишь в том случае, если будут рассматривать как свою первоестественную задачу, наряду с повышением идейного уровня произведений, повышение художественного мастерства. Высокая требовательность к себе, неустанная жажда оттачивать свое писательское зрение, постоянная готовность к изводу, едино-

великого ролевачальника советской литературы. Будучи уже всемирно известным писателем, Алексей Максимович говорил: «Я вот пишу скоро 40 лет, а не могу сказать, что умею писать так, как хотел бы, выучки-то все-таки не хватает. И немало среди литераторов есть людей, весьма много переживших, видевших и слышавших, — рассказывают они об этом — хорошо, а пишут — плохо».

Выучка, техника — великое дело... Этой жестокой, беспощадной требовательности, доходившей подчас даже до придирчивости, до несправедливости к себе, должен учиться у Горького каждый советский писатель. Нужно постоянно помнить этот горьковский завет: выучка, техника — великое дело.

Нельзя терпеть, когда дурные ремесленнические подделки выдвигаются за подлинное искусство, когда страстность и эмоциональность заменяются пошлой сентиментальностью, когда эпиготство прикрывается верностью традициям, а формалистическое штуркачество прикрывается новаторством. Современность требует, чтобы героические деяния советского народа нашли достойное художественное воплощение, чтобы книги, создающиеся сегодня, оставались в веках не только как правдивые документы эпохи, но и как бессмертные памятники искусства.

СЕГОДНЯ открывается объединенный пленум правлений Союза писателей РСФСР и Московского отделения Союза писателей РСФСР, в повестке дня которого стоит один, кардинальный для современного литературного процесса вопрос: «Писатель и время». В творческих спорах, в атмосфере принципиальной товарищеской критики, обсуждая произведения прозы последнего времени, участники пленума будут говорить о том, как еще лучше, еще сильнее и целеустремленнее выполнять важнейшую задачу стоящую перед нашей литературой сегодня. Суть этой задачи можно сформулировать кратко: героическое время требует героического слова.

Леонид Ильич Брежнев

Леонид Ильич Брежнев родился в 1906 году в городе Днепродзержинске, Украинской ССР, в семье рабочего-металлурга.

С 1921 года он начал свою трудовую деятельность. Работая на производстве, одновременно учился и в 1927 году окончил землеустроительно-мелиоративный техникум в городе Курск.

С 1927 по 1930 год Л. И. Брежнев работал на Урале землеустроителем, заведующим районным земельным отделом, заместителем председателя райисполкома, заместителем заведующего областного земельного управлением.

В 1931 году Л. И. Брежнев поступает учиться в Днепродзержинский металлургический институт. По окончании института он работает инженером на металлургическом заводе имени Дзержинского.

В мае 1937 года Л. И. Брежнев избирается заместителем председателя Днепродзержинского горисполкома. Затем он работает заведующим отделом Днепродзержинского обкома партии, а в 1939 году избирается секретарем Днепродзержинского обкома КП Украины, где и работает до начала Великой Отечественной войны.

Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев и К. Е. Ворошилов выходят из Большого Кремлевского дворца после заключительного заседания Пятой сессии Верховного Совета СССР.

7 мая был последний день работы Пятой сессии Верховного Совета СССР.

В РЕШЕНИЯХ СЕССИИ — ВОЛЯ НАРОДА

Верховный Совет постановил: одобрить деятельность Совета Министров СССР как в области внутренней, так и в области внешней политики.

Открытый интерес у всего советского народа и общественности зарубежных стран вызвало заключительное слово товарища Н. С. Хрущева, которое транслировалось по радио и телевидению. Коснувшись внутренних дел страны, в частности индустриализации строительства, Н. С. Хрущев затем подробно рассказал депутатам об американском самолете-разведчике, сбитом ракетой над территорией нашей страны, и о летчике-шпионе, захваченном советскими людьми. Н. С. Хрущев показал депутатам фотодокументы, обозначающие провокаторов. «Пока, — сказал в своем заключительном слове Н. С. Хрущев, — мы расцениваем этот агрессивный акт с американским самолетом, нарушением нашей границы, как желание озвучивать нервы, оживить «колдовскую войну», оживить доходящую кривую. Пока это еще не подготовка к войне, к войне сегодняшнего дня. Но в этом провокационном и агрессивном акте заложена подготовка войны на будущее. Вот почему мы с такой решимостью разоблачаем подобные агрессивные действия».

В конце заседания оглашается заявление тов. К. Е. Ворошилова с просьбой об освобождении его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР по состоянию здоровья.

Н. С. Хрущев тепло и сердечно поблагодарил Клементия Ефремовича Ворошилова, как верного сына Коммунистической партии, много и хорошо поработавшего на благо рабочего класса, всех советских народов, для процветания великих идей нашей партии.

Товарищ Н. С. Хрущев внес проект постановления об удовлетворении просьбы товарища Ворошилова и одновременно предложил избрать К. Е. Ворошилова членом Президиума Верховного Совета СССР.

Затем Н. С. Хрущев от имени ЦК КПСС внес предложение присвоить товарищу К. Е. Ворошилову звание Героя Социалистического Труда. Депутаты и гости встречи это предложение бурными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Председателем Президиума Верховного Совета СССР единогласно избран тов. Брежнев Леонид Ильич.

ТАК ГОВОРЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ

МИТИНГ — дело эмоциональное. Надо войти и выложить с собой все, что на сердце. А это не так просто. Русский рабочий семь раз терпит — один раз режет.

На общезаводском митинге бригадир слесаря-сборщика Ленинградского металлургического завода Борисов был, как и все другие, немногословен. Говорил лишь то, в чем твердо уверен, что продумано, прочувствовано. Благодарил Никиту Сергеевича Хрущева за неутомимость в деле борьбы за мир. Благодарил партию за отеческую заботу о благосостоянии народа: — Мы так злы были, что стало возможным отменить налоги с населения. Интонация голоса стала гневными, когда речь пошла о тех, кто хочет помешать нам:

— Это безумие — играть атомными и водородными бомбами. Жизнь человеческая — не потеряла.

Слесаря-сборщика сменил на трибуне инженер конструкторского бюро В. Полищук.

— На заботу партии о нас конструкторы тепловых турбин уже достойно ответили и продолжают отвечать делами. В сжатые сроки был закончен паровой проект паровой турбины мощностью в 300 тысяч киловатт. Досрочно завершается технический проект сверхмощной турбины в 600 тысяч киловатт и эскизный проект машины в миллион киловатт.

С митинга иду с незнакомыми девушками. Рабочий день (семичасовой) кончился. Завод наполовину опустел. Одна из моих спутниц говорит, ни к кому не обращаясь:

— Неужели сможет еще начаться война? Вторая, вся в белых локонах, совсем молодая, отвечает почти раздвоенно: — Что война — бандиты людей на смерть шлют в мирное время. Доказать что-то хотят.

Я взяла под руку эту незнакомую девочку в локонах, и она не удивилась, даже не подняла на меня глаза. Все люди, которые шли сейчас рядом с ней были ее друзьями. С каждым можно было разговаривать, как с родным.

Как изменилось время! Каким миролюбием проникнуты даже гневные слова девушки! Куда пропала ожесточенность и жесткость суждений военных лет! Хочется донести со всеми простыми людьми всего мира. И если уж мы, больше всех потратившие сил и крови на войне, миролюбивы и добры в мыслях, то как же не хочется войны простому американцу, которому и ожесточаться-то не на что, у которого и дом цел, и семья в целостности.

...Так всегда бывает в деловом производстве Ленинграда — вечером начинается телефонный обмен мнениями. Звонит ко мне вальцовщик, он же молодой поэт Василий Захаров. Начинается разговор о полуметрической упрямке:

— Вы как-то разрулили мое стихотворение. Помните? О том, как некий молокосос постеснялся поднять с полу три копейки. Говорили: зачем из-за такой мелочи писать стихи! Ну не поди — и не надо. Помните? Я вам поверил и отложил стихи. А как теперь думаю, надо ли поднимать три копейки? — шутит он.

Да, я в самом деле когда-то ругала это стихотворение. Подумаешь, кто-то не поднял три копейки! Ругать за это — значит обнародовать мелочность своей натуры.

Сейчас дело представилось в совсемном свете. Как любит говорить Павел Куприянович Долгий, главный бухгалтер Металлического завода, люди стали порой забывать, что копейка рубль бережет. С ним, крупным финансовым работником, теоретиком и практиком своего дела, был у меня длинный раз-

говор. Разговорились о сумме, которую платит коллектив завода в виде подоходного и «бюджетного» налогов. Через пять лет деньги эти перейдут в личный бюджет трудящихся».

А еще Павел Куприянович крепко сетовал на нелегкую долю финансовых работников. Очень радостно, что через несколько лет объем работы у бухгалтеров сократится. Но Министерству финансов следует крепко подумать о задушенности самой структуры бухгалтерского дела, об упрощении методов расчетов.

Вот еще звонит телефон, и очень знакомый голос — голос хозяйки в моей собственной семье — говорит:

— Я задерживаюсь на заводе. Почему? Да, честно говоря, без особых деловых причин. Просто сидеть тут в бюро и говорить о сессии. Видь так много нового, знаменательного!

Я не успела дописать последних строк моего репортажа, а город был уже изволован заключительным словом Никиты Сергеевича Хрущева на сессии Верховного Совета. Люди высказывали из трамвая и автобусов, чтобы через полчаса в толпу у ближайшего радиопункта. Я тоже слушала, волновалась, удивлялась и думала. И я вспомнила ту славную белокурую мою спутницу, которая негодовала на поджигателей войны, посылающих своих людей на смерть. Но американский летчик не погиб, не покончил жизнь самоубийством. Наниматели могут купить чужой труд и чужую работу, могут оплатить преступление, но принудить отдать жизнь — с этим не в состоянии справиться даже великие люди, способные жертвовать жизнью, жизнью, видимо, иметь при себе не золото и не отравленную булавку, а нечто совсем иное, чего не в силах иметь ни один наемник!

Наталья ГРУДИННИНА
ЛЕНИНГРАД (по телефону).

Н. РАЗГОВОРОВ

Про озон и Пентагон

Обнаружил Пентагон в атмосфере газ озон. И, по мнению Пентагона, Слишком много в ней озона. Всполохившись в штаб-квартире Генерал-лешки чины. Что-то миром пахнет в мире. Мало запахов войны. Сморщен нос у Пентагона. Водит носом Пентагон: — Где источник озона? Воздух кем оздоравлил? Сообщает Аллен Даллес Перед сборищем войск:

— Мы в разведке догадались, Разузнали, что и как. Над Кремлем такие звезды, Что они уж много лет Очншают в мире воздух, Излучая мирный свет. Мы свою готовим меду, Чтоб озон искоренить: Нужно срочно атмосфере Дохлай крысой отравить. И летит шпион-пролаза, Незаметен, ловок, мал, И летит невидный глазу В небе спрятанный комар. Натяг спутников сестра, И за двадцать тысяч метров Поваляет в комар!

Мы стоим за воздух свежий, Свежий воздух нужен всем, Кто на мир равные держит, Без различия систем. Но для этого полезны, Чтобы в памяти свежи Были судьбы тех, кто летел К нам, за наши рублики.

Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина Торжественное заседание, посвященное 15-летию победы над фашистской Германией. Отчет о торжественном заседании публикуется на 2-й стр.

Фото М. Трахман

Счастливого пути, Аленка!

НА СОРОКА трех журнальных и в нескольких страничках — где в нескольких страничках — судьбы людей, любовь, счастливая и несчастливая, детскость, зрелое мужество и та работа, про которую говорят: человек делает дело — дело делает человека.

Илья ЗВЕРЕВ

Писатель избрал простой способ рассказать обо всем этом. Он свел очень много людей в пропыленный кузовозовской машины, идущей из целинного совхоза «Солнечный» за четыреста километров на станцию Арык. Споспоб арый. В скольких рассказах и повестях экспозиция ограничивалась одним словом: грузовик (поезд, самолета, лифта). Что и говорить, тут у Английских были превосходные предшественники.

Повесть вызывает ассоциации современно определенными. Сергей Антонов решил написать свою «Степь». Это решение так логично, что на иных страницах «Аленки» хочется сделать пометку: «Сравните!» — А. П. Чехов, «Степь», страница такая-то.

Можно спорить о том, обидела ли богатства Антонова столь ревнивая простота великому образу. Думаешь, чем-то и обидела, потому что автору «Аленки» пришлось много вводить в рассказ заданные рамки, и не все уместилось, и не всюду обошлось без погрешности. В маленькой повести Антонова много повестей, и не маленьких. Это детство несомненно богатства, но все же чувствуется, что артынская свобода обращения с «материалом» стеснена. Прав или неправ был Антонов, строя «Аленку» так, как он построил, но при этом отношении к замыслу нельзя не видеть явных удач автора.

Прочитав повесть и, может быть, еще и опустив, чем многое виденное в самом деле, представляешь себе запахи и краски казахстанской степи, ее звуки, начисто лишенные эха, словно вращающегося в воздухе, беркута, вращающего крылом свои владения: в степи, где мохнатая казахская лошадь не пьет, а словно бы черпает воду багряными губами; песчаный выхухляк, залетающий, как джиги в мультфильме, в долину; и наконец, ты не удивишься, увидев на складах своей дяди бархатинки степной пыли — как сильно ощущение действительного утешения.

Но обаяние повести не столько в этих вещных приметах степи, отменно выведенных и отменно описанных, сколько в приметах новых, небывалых, много говорящих уму и сердцу. Едут люди в кузове грузовика. Разговаривают. Вспоминают разные случаи. И читатель, слышащий их спокойные голоса, вдруг оказывается причастным к их жизни.

Общая повесть не столько в этих вещных приметах степи, отменно выведенных и отменно описанных, сколько в приметах новых, небывалых, много говорящих уму и сердцу. Едут люди в кузове грузовика. Разговаривают. Вспоминают разные случаи. И читатель, слышащий их спокойные голоса, вдруг оказывается причастным к их жизни.

Вот главные механики Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

тельность... Шофер перед рейсом пролетит, не заснул ли кто под машиной (степь: ведь дорога)... Аленкины учебники, перевязанные электрическим шнуром (откуда здесь взялся электрический шнур). Традиционная артынская «Добро пожаловать», через которую никто не ездит... Старый пастух, любящий себя, как произведением искусства, цифрами, которые выводит палочкой на песке его грамотный внук... Какао, пахнущее польнолю, в столовой степного городка, и районная трибуна, с которой местные жители посылали доски на более неотложные надобности.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

ГЕРОИ СРЕДИ НАС

«Я не трус, поверьте! — говорит пленный немецкий солдат. — Но как можно орать, если мертвые стреляют?»

Маленькая, хрупкая женщина — теперь она заведует загсом — во время войны, оказывается, была отважным водителем танка. А неприметная работница была еще совсем девочкой, когда ей пришлось лежать у пулемета, защищая родное село.

О таких героях рассказывает книга С. Глуховского «Добрая слава» (Воениздат).

Новинки

«СТУДЕННЫЕ ЗОРИ»

Пускай в повятках — опять стихов моих герой тот, кто надежно держит порох сухим, в подсмукке, под рукой!

Так начинается одно из стихов стихотворений недавний выпускник Литературного института Михаила Горбунова «Студенные зори», декларируя, что относится не только к «Армейскому дневнику» (так называется раздел в его книге «Студенные зори», недавно вышедшей в Новосибирском книжном издательстве).

И в стихах, посвященных сегодняшней Сибири, пост верен своему любимому герою — рядовому славной армии трудились. Увидеть поэзию в повседневном труде так называемых «простых людей» — настоящая задача для поэта. И те стихи Михаила Горбунова, где ему удается ее воплотить, заслуживают и оправдывают внимание читателя.

ПИСАТЕЛЬ-ЗВЕН

Ирина Тарабукина — первая писательница, поэт, прозаик, художник. Опубликованные в 30-е годы ее произведения стали почти библиографической редкостью. Вот почему так интересно появление сборника «Моя жизнь», изданного недавно Магданским индустриальным издательством. В сборник вошли стихи и повесть И. Тарабукиной. Истории жизни великой художницы, рассказывающей о тяжелой и безрадостной жизни звенского народа в прошлом, проносившего удивительные разности автора чувством преданных. Повесть рассказывает о подвиге, подвиге наивной свежести и поэтическим произведениям И. Тарабукиной, написанным свободным, без рифм, стихом.

О ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ. О ТЕХ СПЕЦИАЛИСТАХ, ЧТО ПОЕХАЛИ ИЗ ГОРОДА НА СЕЛО ПО ПРИЗЫВУ ПАРТИИ, НАПИСАНО НЕМАЛО И РАССКАЗОВ, И ПОВЕСТЕЙ, И РОМАНОВ. СЖЕМАТ МНОГИХ ИЗ ЭТИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СХЕМАТИЧНО МОЖНО ХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ТАК: ГОРОДСКОЕ СПЕЦИАЛИСТ ЕДЕТ В ОТСАЖИВАННЫЙ КОЛХОЗ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПРЕОДОЛЕВ СОПРОТИВЛЕНИЕ ЖЕНЫ ИЛИ ЛЮБИМОЙ ДЕВУШКИ, КОТОРЫЕ ХОТЯТ ПОКИНУТЬ БЛАГОУСТРОЕННУЮ ГОРОДСКУЮ КВАРТИРУ. ПРИЕХАВ В ДЕРЕВНЮ, ОН ТУТ ЖЕ ВСТРЕЧАЕТ КОРОЛЬ НЕДОСТАТКОВ И ВСТУПАЕТ В БОРЬБУ СО СВОИМ КОНСЕРВАТИВНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ — КАК ПРАВИЛО, КОСЫМ — НАЧАЛЬСТВОМ (ПРЕДСЕДЕТЕЛЕМ РАЙСПОЛКОМА ИЛИ ВОТРУСЕКРЕТАРЕМ РАЙНОМА ПАРТИИ). В ЭТОЙ БОРЬБЕ ОН ПОБЕЖДАЕТ (ПРИ НЕИЗМЕННОЙ ПОМОЩИ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА ИЛИ ОБКОМА) И БЫСТРО ВЫХОДИТ РУКОВОДИМОЕ ИЛИ ХОЗЯЙСТВО ИЗ ОТСАЖИВАННЫХ ПЕРЕДОВЫЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНО ГЕРОЙ УСПЕВАЕТ ВСТРЕТИТЬ ОЧАРОВАТЕЛЬНУЮ МОЛОДУЮ ГЕРОИНЮ, СОВСЕМ НЕ ПОХОЖУЮ НА ТУ МЕШАНИКУ, КОТОРАЯ ОТКАЗАЛАСЬ С НИМ ЕХАТЬ НА СЕЛО, ЯВЛЯЕТСЯ В ЭТУ ГЕРОИНЮ, И ВСЕ КОНЧАЕТСЯ КАК НЕЛЬЗЯ ЛУЧШЕ.

Д. НИКОЛАЕВ

Роман Александра Андреева «Грачи прилетели» своей сюжетной канвой в значительной степени повторяет эту схему. Правда, вначале кажется, что автор преодолевает инерцию схемы: главный герой романа Аребин, сравнительно молодой московский специалист, работавший в министерстве, приезжает в глухую деревню, в отсаживанном колхозе не один, а с женой и сыном. Но на другой же день после приезда жена Аребина, испугавшись неблагоустроенности деревенского быта, забрав сына, уезжает обратно, в Москву. Герой остается один, без поддержки, без семьи, без поддержки. Его вынуждают председателем колхоза; он энергично принимает за дело и спасает положение. Приходит к нему и любовь «из лица» красавицы-аргашовки Натальи Алгашовой.

Еще на том заседании правления, где Павел объявлял виновником гибели молодняка, он заявил, что корма для скота во многом разворовали и ч.о. первый вор — Кокузов, заместитель Коптильников. Сказать — сказал, смело, откровенно, но доказательств у него нет. А они нужны. И автор рисует такие полудетективные сцены: Павел, находясь в отпуске, приходит в заклад Кокузова и кладовщика Омутного, которые пытаются вывезти из амбара зерно.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого... И да, и нет. Да, ибо власть уже установившая, сложившаяся литературная схема оказалась достаточно цепкой, чтобы снова в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо слышны следы стремления А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычными, привычными ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

После этого действия развивается уже некая. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправильное. Его вновь назначают заведующим животноводческой фермой, а загсом — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Сергей Антонов. «Аленка». Повесть. Журнал «Новый мир», № 4, 1960.

Одухотворенное лицо

МЕТАГАЛАКТИКА

Биоциклология, замкнутый парабол, электро-ионная форма движения, анализатор, астроциклология... Это то набор слов? Откуда он взялся, из научной статьи? Нет, допозже товарищ. Из повести А. Колпакова «Грида», которая газета «Пионерская правда» порадовала своих юных читателей — ребят в возрасте 10—14 лет.

В тексте эти слова выглядят так: «На включенном биоцикле я видел, как мысли по спиральным линиям обобщились и абстрагировались, и в конечном итоге металактика отразила ископаемые без мысли. Лучезарные глаза, устремленные в пространство, выдавали гигантскую работу мысли».

Остается повторить известные слова «О друг мой, Аркадий Николаевич!.. не говори красиво». И непонятно, добавляю я от имени кого-то читателя.

И. НАЗИМОВ, кандидат педагогических наук

Новинки

ОТ ДЕРЖАВИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Теперь все время раздается упреки в адрес литературы, что она не выдает «из-под пера» не только выдают «из-под пера» больше и больше книг, — меняется сам характер их содержания.

Недавно вышел сборник Д. Брагера «История и действительность». В названии его границы и принцип подбора материала и в принципе — «История и действительность».

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенного трудового дела.

психолого, жизненный путь, склонности и способности колхозных кадров: — Нам важны показатели, а не биографии.

Да, да, именно так это было сказано так делаясь — противопоставить одно другому. Но, это ваше дело, газетчиков, литераторов, докладывайте, какие у кого склонности: «кто — любитель рыбной ловли, кто — охотник», кто что переживает, а нам подавай дело, итоги, процент выполнения. Пусть, мол, писатели расписывают качества, черты, штрихи человека, скажем, того или иного председателя, а мы, мол, больше забыли, чем вы только узнаете о людях, для нас все это дело привычное... Возгорелся, конечно, спор. Спор настолько жаркий и острый, что третье лицо, в этой беседе, любящее, главным образом, ни к чему не обязывающую «словесную почесуху», в жизни начало разнимать спорщиков, под тем предлогом, что «вы оба за Советскую власть», и оно, третье лицо, даже не видит, «собственно говоря, предмета спора».

Но спор этот, конечно, не потушить, он будет возникать, продолжаться, и с тем большей страстностью, чем серьезней встает перед нами и хозяйственные, и моральные задачи, и чем, нетерпимее для нас и потерю Вранья, и любые человеческие потери, какие мы еще несем, когда недоразрываются таланты людей, когда рядом дремлет или бьет мимо чья-то энергия, когда остается под спудом или сбрасывается со счетов низовой опыт, сметка, «моральный запас» скромного работника, людей, почему-то оставшихся в тени.

Читайте, читатель, ну хотя бы десятую главу второй книги «Поднятый щелкун» — она стоит многих томов, — говорю я своему оппоненту в споре — поспешите с Давыдовым в кухню на выучку к Шалому и ищите терпение, желание и мужество до конца отдать себе отчет в том, что стоит за их неторопливой беседой и отнюдь не фразой, совсем не хвастливым убеждением кузнеца в том, что именно он «ответственный работник».

Конечно же, — ответственный! И не только потому, что у него, кузнеца, «железное дело в руках». Пригляди же, как много обнимают мысль и сердце Ипполита Шалого, сколько у

него наблюдательности, цепкости, достоинства, рабочей гордости, житейского резона, как верно он анализирует жизнь, как неуступен в достижении цели. Разве только за тем к Шалому идти, только о том его слушать, сколько чего строгий и строгий? Нет, это отдельный «показатель» от «биографии», не противопоставив их легко мысленно.

И как же дорог кузнец читателю, когда именно он избобачивает на партийном собрании, становится лицом к лицу с хитрющим и подлым врагом Островным — убийцей собственной матери, бросая ему в лицо: «Ежели ты, Яков Л. М., стало быть, мне надо вступать. А вот ежели бы ты нынче подал заявление, то я бы воздержался. Нам с тобой в одной партии не жить! Разных партий мы с тобой люди!».

Шолохов описывает после этого, как разогнан был весь народ, единогласным решением Шалого в партию, как вдруг, особенно разительно преобразился секретарь ячейки — «железный» Нагульнов, так что Устин Рыкалин, изумленный неожиданной широкой, открытой, по-детски трогательной улыбкой на обычно аскетическом суровом лице Макара, не мог не воскликнуть: «Гляньте, люди добрые, Макара наш похоже что улыбающийся! Первый раз в жизни вижу такую доброту!».

Незабываемая сцена! Неволею теснятся и толкаются, четверо принятых в партию обменяются рукопожатиями со всеми остальными коммунистами, и Нагульнов сначала в полную силу жмет руку Майданникову, называя его «братом», а потом крепко обнимает сутулые плечи старого кузнеца, желая ему стучать молотом на пользу Советской власти «ишле лето», так как «от твоего долготельства кроме приятности для людей ничего не будет, это я тебе верно говорю!».

ПОЭЗИЕЙ И СИЛОЙ чистого партийного братства веет со страниц этой книги, вот почему так несокрушимы ее моральные позиции. Высокая дружба во имя великой цели, без взаимного прощания ошибок, без слоняности и елей, и с неистощаемым запасом человечности! Перечитываешь страницы, где ершистый Давыдов встречается, спорит, шутит, даже бо-

рется в степи с добрым, твердым и принципиальным секретарем райкома Нестеренко, и не можешь не полюбить этого старшего на твоих глазах большого, идейного человека. Вот слышат Давыдов расказ секретаря о замечательном донском шахтере — комиссаре-сибиряке, и тут же получает массу метких, хозяйственных указаний, среди которых есть и такое: «на пахоте надо быть душевным человеком, потому что земля любит равное, ласковое к себе отношение; вот усваивает серьезнейший урок, направленный против администрирования, против «снятия стружки» с людей, «как будто речь идет не о человеке, а о каком-то ржавом куске металла, и в то же время убеждается Давыдов: «все дела, какие партия дала нам в руки, неотложны», — и так жизненно, не отвлечена в книге эта мораль, что ей хочется следовать, нести ее всюду, где еще жизнь не утвердила ее».

Нет ничего выше вот этой партийной чести — убеждает книга. Точно в цель ложатся шолоховские стрелы, когда, например, некоторые герои его книги сталкиваются с излитым мужским, или казачьим, или другим традиционным сословным национальным самонимением и говорят устами Макара Нагульнова: «Не особенно гордись своим мужичеством и казачеством. Наша партийная честь не в этом заключается... То и мужничество, куда пошел партия. Скажут мне, допустим: иди, Нагульнов, рубить концы головы, — с радостью пойду! Скажут: иди подбивать картошку, — без радости, но пойду. Скажут: иди в доярки, коров доить, — зубами скрипишь, а все равно пойду...»

И до Разметиева доходит это, и он в другом случае добродушно критикует себя: «Казак — у него ум назар», честно стремясь и добываясь, чтобы у советского казака ум во всем и всегда был вперед!».

Художественные аргументы Шолохова в споре за новое моральное богатство людей настолько серьезные, значительные, благородные, привлекательные, что они не могут не разжигать желаний в любом литературном и меру его дарования, своими средствами, в своем жанре — побороться за истину, «схватиться за человека».

Литературная газета № 55 10 мая 1960 г.

15 лет со дня освобождения Чехословакии

ПОСЛЕДНИЙ ВОЕННЫЙ РЕПОРТАЖ

Рыбалю и Лелюшенко, совершить не доводилось. И вот теперь, лежа на траве перед оперативной картой, мой старый друг полковник с надеждой смотрел на красные ромбы, которые, согласно последним радиосообщениям, уже довольно глубоко ворвались в серую штриховку гор.

Борис ПОЛЕВОЙ

Сколько утро, пахнущее мо- лодыми листьями распу- скающихся лип и гарью по- жара, перед нами, совет- скими людьми, как бы от- носилась сама душа старого и ве- чно молодого города — прекрасная, жиз- неродостная душа, переживающая первые часы обретаемой свободы. И она теперь обратила к советским вои- нам, прошедшим через горы для спа- сения Праги, и даже вот на нас, про- стых и, в сущности, случайно оказав- шихся здесь советских солдат.

подожженной оккупантами в бессиль- ном и злобном бешенстве. Вереница апостолов, вот уже несколько столетий совершавшая свой путь по циферблату старинных часов, остановилась. Мсти- тельная злоба фашистов уничтожила и уникальные часы. Нам скажут, что шло восстания находится в подвале под сохранившимся крылом ратуши. Но там никто уже не было. Только россыпи истодетных гвоздей да обрывки окровавленных бинтов на полу гово- рили о том, что и здесь было горячо.

Советский человек добил счастье наших детей. Фото И. Гоулек. Снимки из юбилейного альбома «На вечные времена», выпущенного в Праге в пят- надцатую годовщину освобождения Чехословацкой Республики Советской Армией.

— Если это удачи, будет чудо! — сказал он. — Не мистическое, разуме- ется, а чудо военного искусства, — и повернувшись ко мне, добавил: — Вот что вам стоит описать!

Описать? Дать последний репортаж о последней славной битве этой уже для всех окончившейся войны. Рассказать о необычном прыжке советских танкистов через высокие горы. У меня просто дух захватило от такой мысли, и почти всю ночь и бродил от одного штабиста к другому, выпрашивая самолет. Старые боевые товарищи смеялись — зачем, война кончилась, лучше выпьем за победу — и ташили к столу. Только ко- мандующий фронтом маршал И. С. Ко- нев сумел понять до конца ирреспон- денскую душу, покачал головой, по- вращал, но тут же один из лучших лет- чиков связанной эскадрильи, получив при- каз о максимальной осторожности, пре- дусмотрительности и прочем таком, че- сто в военных условиях соблюдают ни- когда не удавалось, был откоманди- рован для полета в Прагу, куда, по рас- четам штаба, к утру должна была по- долететь танковая разведка одной из другой армии, наступавших по разным маршрутам.

Ночь еще лишь начинала сдавать дела утру, когда маленький стрело- подобный самолет оторвался от аэро- дрома, серого от росы. Он набрал мак- симальную для себя высоту и по при- колу, которую еще на земле штурман эскадрильи начертил на карте, взял курс на Прагу. Вершины дохлых, по- росших лесом гор уже золотились под нами, когда на серых жилах, доро- гами видны первые машины, двигаю- щиеся в том же направлении. Кто это? Наши или враги? Света, возникающая при приближении самолета, отбегала на этот вопрос: враги. Но нас никто не стрелял. Колонны продолжали движе- ние. Они становились все гуще, и доро- ги наполнялись сверху муравьиные тро- пы, по которым цепочками бежали на- земные, летчик сбросил высоту. Теп- лые машины были уже различимы и цвет их фонарей отступавших серых — мото- пехотинцев, пестрые маскировочные халаты — альпийских стрелков. Непри- ятели! А где же наши? Когда горы ста- ли мельчать, переходить в холмы, в равнину, дороги опустели. Где же на- ши? Почувствовал полную безопас- ность, летчик перешел на бреющий, и на асфальте мы увидели рубцы, остав- ленные шпорами танковых гусениц. Но машин нигде не было, а ведь гусеницы неприятеля оставляли такие же следы. Так мы летели уже третий час, и когда солнце поднялось повыше, вдали обо- значились трехэтажные здания башен большого города. Летчик взволнованно обернулся, и по шевелению его губ я понял — он говорит: Прага.

По карте мы знали, что аэродром на- делен в стороне от города. Нам остав- лось найти площадку поближе или от- сутствие в самом городе. И вот она уже плывет под нами, красавица Прага, ко- торую мы узнали издали, ибо чудесная чехская литература еще до войны су- мела привить нам любовь к этому ди- вительному городу. Сразу же можно было понять, что здесь еще идут бои. У реки то и дело красновато-пожелев- лые дымки выстрелов. Дымки по- жаров, то легкие и прозрачные, то за- валывавшиеся в тяжелые ступени за- валкивали целые районы. Там, видимо, шел крепкий бой. И все-таки на улицах была масса народа, и сверху легко различались синие-белые-красные националь- ные флаги. Было ясно, что эти улицы — в руках повстанцев. Где-то зыбле и над садиться. Тут мы заметили, что на- ша скромная, смешная, похотная на стрелку машина вызывает у людей на улицах удивительно горячую реакцию. Видно, как машут руками, флаги, за- пронизуя головы. Обстановка прояс- няется.

Пилоту летчику: «Иди посадку». Он кивает головой. Машина скользит чуть не по самым крышам, осторожно обо- ждая места, где видны дымы боя. От реки к ней потянулись несколько легких ды- мовых трасс. В стороне будто бы рас- кривился хлопковый коробочник, выпу- стив ступени белого дыма... А у окраи- ны мы увидели танки, быстро двигаю- щиеся по улицам к предместью. Чьи? Да наши, наши же, конечно! Вот как их приветствует толпа, как доверливо люди бегут им навстречу! «Садись же», — снова пишу летчику. Он кивает головой в сторону какого-то стадио- на, что за рекой. Неужели он хочет сесть на стадион? Разве кто-нибудь когда-нибудь самал самолет на фут- больном поле? Скверный холодок за- ползает в душу. Ведь война уже кончи- лась. Но думать об этом поздно, летчик убрал газ. Стало тихо. Машина, нос планируя, идет на посадку, и зеленое поле будто прыгает ей навстречу. Ко- леса уже бегут по траве, слава богу, и в эту минуту — трах! Ничего особенно- го произошло, просто винт в послед- нее мгновение уперся в ограждающий барьер и сломался в щепки.

Но думать об этом не приходится. Множество канх-то людей бежит че- рез стадион — мужчины в песочного цвета комбинезонах с оружием в ру- ках, мужчины в обычной одежде и без оружия, женщины, дети. Здесь, в рабо- ре Страрова стадиона, мы оказались первыми людьми в форме Советской Армии. И все чувства, которые накопи- ли пражане, слушая по радио сводки о подвигах Советской Армии, все на- дежды, которые они возлагали на нее, посылая призывы о помощи, все нетер- пение, с которым они ждали эту по- мощь, все эти чувства как бы раз- рывались на нас, двух советских офи- церов, в бушующем пламени свалив- шихся на нас головы. Рукопожи- тия, объятия, поцелуй, крики, слезы... Люди в комбинезонах, оказавшиеся по- встанцами, выстроили у самолета на- раул. Толпа подхватила нас и понесла на руках...

Мне уже доводилось в дни войны встречаться с гражданами этой чудес- ной страны. Я видел подвиг чехосло- вацкого корпуса на Дукельском пере- вале, где в часы этой героической кро- вепролитной битвы советские солдаты еще раз обиделись в храбрости и безза- ветном патристичестве своих соратников — чехословацких воинов. Долгие трудные недели провел я среди повстанцев. Словаки в дни восстания, наблюдав герои- ческое его развертывание и трагиче- ский конец. Но тут, в Праге, в это май-

ское утро, пахнущее мо- лодыми листьями распу- скающихся лип и гарью по- жара, перед нами, совет- скими людьми, как бы от- носилась сама душа старого и ве- чно молодого города — прекрасная, жиз- неродостная душа, переживающая первые часы обретаемой свободы. И она теперь обратила к советским вои- нам, прошедшим через горы для спа- сения Праги, и даже вот на нас, про- стых и, в сущности, случайно оказав- шихся здесь советских солдат.

— Ать жие Руда Армада! Ать жие Советски Сваз! — гремело со всех сторон. Наши танки, мохнаты от пыли, уже вошли в город. Над ними поднималось студенистое марево, подобное тому, какое стоит над полями в погожий ве- щий день. Лица бойцов от пыли каза- лись замшевыми. Лишь глаза да зубы белели на них. Но девушки, одетые в светлые национальные костюмы, бес- страшно деловит бойцов. Ребятишки смело карабкались на еще теплую бро- ню броню салфеткой. Худенький, по- четного вида старикон, у которого кар- мане оказались набитыми хрустальны- ми стаканчиками, из большой бутыл- ки наливал домашнюю сливицу и уго- щал экипаж. Дожный механик, отводя огромной рукой облезлый стальной ста- канчик, басил:

— Та не могу, не могу ж я, папаша! Спасибо, Данке, Мерси, понимаешь? А я не могу, потому при службе.

На Староместской площади еще да- мались развалины древней ратуши,

что коммунисты стали ве- щей силой государства. 2 января 1947 года то- варищ Готвальд от имени Национального фронта возвестил о двухлетнем плане. Речь была прежде всего о том, чтобы поднять чехословацкую промышленность до довольно высоко- го довоенного уровня. Задача по то- му времени очень смелая. Выполнение плана шло успешно. Реакция поняла, что в случае успешного завершения этого плана дерет о национализацию и все остальные мероприятия народа направленные к построению социализ- ма, будут закреплены навеки. Поэтому в феврале 1948 года реакционная фракция в правительстве прибегла к отчаянному шагу — попыталась вызвать правительственный кризис. Но ей был нанесен удар, от которого она уже не оправилась.

Мы колебались мы и в те минуты, когда реакция переходила к наступ- лению и в других странах. Единство и сплоченность чехословацкого на- рода казалась западным наблюдателям «загадочными», даже «грозными»; они создали немало легенд о таинствен- ном влиянии советских агентов, обла- ченных в чехословацкие мундиры. Они клеветали на нас, обвиняли нас в Грязью. А меж тем было так просто прийти и увидеть: то, что происходи- ло, то, что ныне происходит в Че- хословакии, — отнюдь не загадочно. Все, что здесь растет, — растет есте- ственно, логически, питается соками старых, здоровых корней. Листом по- является за листом, потом наступа- ет цветение, потом созревают плоды. Мы не перескакиваем через этапы, мы ничего не ретушируем. То, что привито мудрыми садовниками, при- нялось. Наши заводы — не буфало- ры; наши люди работают и широко пользуются плодами своих трудов. Гостю пришлось бы убедиться в этом на каждом шагу. Мы не карлики на ходулях; мы не больше, но и не меньше, чем это кажется.

Очень хорошо показал демократи- ческое нашего народа Гашек — самый типичный представитель демократи- ческой чешской литературы. Но не то- лько он писал в нашей стране о народе и для народа. Точно такие же задачи ставили перед собой Гавличек-Боров- ский и Немцова, Неруда и Оль- брахт: обращаться непосредственно к массам. Никогда ни одному пи- сателю, достойному этого имени, не приходилось «опускаться» до народа; у нас никогда не имел хождения до- зульт: «Для народа, но без народа». Наш народ стоял на уровне своих пи- сателей, которых так жадно читал.

У нас вообще читают с жадностью и требуют все больше и больше книг. Разрешите и этот факт с гордостью отметить в день нашего праздника. Ведь то, что Чехословакия издает книги в тиражах, которые не идут ни в какое сравнение с численностью на- селения (если придерживаться про- порций, обычных для наиболее раз- витых стран Запада), — это являет- ся не только показателем материаль- ного благосостояния и всеобщей гра- мотности. Жителей в США насчиты- вается в тридцатый раз больше, чем у нас; столбчатый тираж аме- риканского бестселлера, с точки зрения тех же пропорций, должен рассматриваться чешским издателем, как книжка средней руки. Десят тысяч экземпляров — это обычный ти- раж чешских романов. А бестселлеры у нас напечатываются, как и в США (на- перекор всем пропорциям), с тиража свыше пятидесяти тысяч.

Кстати, я тут упомянул о матери- альном благосостоянии и о всеоб-

шарны вам за братскую помощь. Ленин был и нашим учителем. Начиная с 1917 года вы указывали нам практический револю- ционный путь. В трагиче- ский период жизни нашего народа, в годы нацистской оккупации, вы были нашей главной надеждой. Я ждал вас в концентрационном лагере. Я знаю, как ждали вас другие люди.

Вы пришли вовремя. Ликование освобожденной Праги показывало: вас любили все без исключения. Все, а не только старые товарищи из наше- го революционного авангарда. Реак- ция собралась е силами поздне. Се- когда мы можем сказать: собралась с силами слишком поздно.

В мае 1945 года началась новая жизнь, счастливое пятнадцатилетие. Мы превратили ваши танки в памятники: мы стояли, погруженные в глубокую скорбь над могилами павших; мы це- ловали солдат, когда разлучались с вашей героической армией, возвра- щавшейся на Родину. Одновременно мы приступили к осуществлению Ко- ммунистической программы, которую пра- вительство Готвальда назвало «дорогой с Востока».

Программа эта создана чехами и словаками, коммунистами и членами других партий, но она не могла бы появиться, не будь на свете вас, со- ветские товарищи. Путь, пройденный вами после Октября, ваша решающая роль в разгроме фашизма, ваша клат- ва поддерживают нас всегда и во всем — это теплые дыхание, давнее жизнь первого манифесту свободной Чехословакии.

Спустя год, в мае 1946 года, у нас происходили первые свободные выбо- ры. Никто уже не мог сомневаться,

СТОИМ РЯДОМ, СОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Норберт ФРИД, чехословацкий писатель

ПЯТНАДЦАТЬ лет — это много. Но сорок три года — это, разумеется, гораздо больше. Пятнадцать лет Чехословакия росла и развивалась под теплыми лучами вашего, советского солнца, которому скоро будет тридцать лет, и потому так хороши результаты. Я принадлежу к поколению коммунистов довоенного призыва. Мы не знали недостатка в оптимизме, недоста- тка веры в реальность наших идей, но все-таки я должен сказать, что самые смелые из нас с восходи- ем оглядывались теперь на пройденный путь. Только не заподозрите меня в тщеславии — это признание скорее говорит о глубоком волнении, которое охватывает нас при мысли о том, что нам посчастливилось дожить до этих времен. Значит, мы и вправ- дую не ленится, значит, нам не при- ходится упрекать себя за то, что мы многое упустили или совершили сли- шком много ошибок. Но в моих словах о том, что нам посчастливилось до- жить до таких времен, вы, наверное, чувствуете и нечто иное, помимо де- шевого самоуспокоения. В этих сло- вах звучит наша благодарность судь- бе, — разумеется, не та благодарность, которую испытывают к богу религи- озные люди. Это благодарность лю- дей, которые уже достаточно прожи- ли на свете и понимают, сколь сло- жна взаимосвязь всех явлений, понима- ют, что ни в одиночку, ни разрознен- ные группы — пусть даже отважные — не могут добиться успеха, если их усилия идут вразрез с чаяниями и усилиями других людей, вразрез с общими стремлениями и тенденциями.

Позтому так велика благодарность чехословацкого народа народу Советской страны. Мы прекрасно понимаем, что сам по себе факт существования ва- шего государства оказал решающее влияние на судьбы народов Европы и в более, нашего народа, занимаю- щего прочное место в вашем сердце и живущего близ ваших границ. Вли- яние ваше довелось ощущать каждо- му человеку — и другу, и не другу; однако мы, друзья, больше всех бла-

будей грамотности так, щей это само собой ра- зумеющиеся вещи. Но разве этот факт на са- мом деле не такая же чудесная вещь, как и аппетиты наших читате- лей? Хотите, я расска- жу вам, с чем мне дове- лось встретиться во вре- мя моих путешествий по странам, кото- рые нас так кощунственно критику- ют?..

Впрочем, нет, лучше уж будем придержи- ваться праздничного тона и со- средоточим все наше внимание на Че- хословакии. Я хотел бы сказать еще одно слово: чехословацкий народ трудолюбив и безгранично искусен — ведь все эти чудеса, о которых шла речь, не улади сами собой с неба.

Мы готовимся на будущий год от- метить сороклетие нашей Коммуни- стической партии. Это были сорок лет мужественной борьбы, освещенной подвигами героев — Фучина и мно- жества других, таких же верных сынов. Мужик оккупации, уничтожение целых деревень, как Лидице, загуб- ленные жизни тысяч еврейских детей, ужасы войны, стойкое сопротивление, героическое восстание словаков и пражан — вот цена, которую уплати- ли наши народы, чтобы пятнадцат- лет тому назад начать снова и лучше.

И стоит сегодня Чехословацкая Республика, уверенная и могучая. Она намечает небывалые планы строи- тельства, выполняет их и дает на грандиозных выставках всему миру доказательства своего могущества. При этом здоровье людей у нас все улучшается, жизнь все удлиняется, детская смертность является одной из самых низких в мире. Труд уче- ных, писателей, музыкантов, кинема- тографистов, кукольников Чехослова- кии известен далеко за нашими гра- ницами: точно так же, как искусство монтажников и инженеров, которые способствуют распространению нашей передовой техники повсюду, где на- нее имеется спрос.

Культурные интересы у нас на ро- дине не исчерпываются чтением. Телевизор постепенно становится такой же само собой разумеющейся частью домашней обстановки, какой давно уже стало радио. Толпы людей устр- емляются в кино и на вечера; весь народ готовится к спортивным упраж- нениям и танцам на июньской спарта- киаде, этом подлинном празднике миллионов.

Все, что делается у нас, намечает- ся и превращается в жизнь людьми с острым умом и прилежными руками, людьми, которые являются нашими друзьями. Сейчас они обсуждают но- вую Конституцию, которая должна облегчить им путь к коммунизму, должна еще больше приблизить их к вам.

Мирслав ФЛОРΙΑН

СОВЕТСКИЕ БОЙЦЫ

Пахло пылью и пахло бензином. Когда в мае пришли их войска, и над Влтавою дождь соловьиный был проптан дымком табака.

Воздух будто бы током заряжен. (Ах, вдохнуть бы его еще раз!) И зеленая липа над кряжем — Точно облако вздыбл пылью.

Они пахли бензином и пылью. Но, кровавую прыжку сорвав, Слово несенник счастья, — открыли Нашу родину в завалах трав!

Перевел В. СТЕПАНОВ

За свободу Чехословакии. Фото Т. Гонга